

Юй Сяовэнь была мертва.

Послышался звук: «кап-кап». Сначала показалось, что начался дождь, но вскоре все поняли – это кровь капает на пол.

Всё произошло мгновенно. Для Се Чу и остальных мир просто на мгновение погрузился во тьму, а затем снова вспыхнул светом – весь процесс занял меньше секунды.

Казалось, внезапная темнота была лишь долгим морганием.

Пока все пребывали в оцепенении, Цзян Юань первой разглядела представшую перед ними картину и судорожно вздохнула.

Остальные подняли взгляды.

В двух-трех шагах от них на стуле сидело обезглавленное женское тело. На обрубке шеи виднелись ошметки мяса – было ясно, что голову оторвали грубой силой. Раны на ногах подтверждали: это была Юй Сяовэнь.

Кровь всё еще пульсирующими струйками выходила наружу. Игроков сковал страх: когда это успело случиться?

Только что?

В этой тишине они впервые осознали, как много крови в человеческом теле – ее хватило, чтобы залить огромный участок пола в радиорубке. Солнечный свет, падающий в окно, отражался в кровавой луже нарядными бликами, контрастируя с их бледными лицами.

— О-о-у... — две девушки развернулись и выбежали вон, чтобы их не вырвало. Хотя они и убеждали себя привыкнуть к подобному, столкновение с такой кровавой сценой лицом к лицу всё равно вызывало тошноту.

Гу Цзыбэй и Ли Минмин, напротив, не проявили бурных реакций, если не считать мертвенной бледности; они лишь молча отступили на пару шагов.

— Сил моих больше нет... — Ли Минмин непроизвольно потер свою шею и начал тараторить:

— Почему опять голову оторвали? В этой игре всегда так жестко? Призрак в общаге – без головы, Юй Сяовэнь – тоже. Этот сценарий – просто какой-то вечный парад отрубленных голов...

— Юй Сяовэнь убила Сю Цинь. Сю Цинь – это и есть тот призрак из нашей комнаты, — в памяти Се Чу всплыла та головастая гостья, называвшая себя «Циньцин». Она выглядела сильно разложившейся, но ее тело сохранилось гораздо лучше.

Странно.

Скорее всего, тело было заморожено или законсервировано, а голову спрятали эти студенты.

Поэтому безголовое тело и пришло за ними: Сю Цинь просто ищет свою голову.

Сюжет понемногу складывался в единое целое. Се Чу наклонился, намереваясь разжать кулак Юй Сяовэнь: ее правая рука была крепко сжата, явно скрывая что-то внутри.

— Ты хочешь сказать, что всё это – месть Сю Цинь? Но Юй Сяовэнь же говорила, что она ни при чем?

Гу Цзыбэй вздохнул и с сочувствием посмотрел на Ли Минмина:

— Ты слишком наивен. Не недооценивай малолетних преступников: у них юный возраст, но безграничная и безнаказанная злоба.

— Сказала, что ни при чем – и ты поверил? Она не дура, она пыталась выторговать у нас защиту. Наверняка она держала при себе какой-то козырь, чтобы ее не тронули. Но, увы, она всего лишь живой человек, который пытался ставить условия призраку.

Се Чу, услышав это, усмехнулся:

— Особенно призраку, который погиб по их вине.

Ли Минмин никак не мог взять в толк суть происходящего. Имеющиеся у него зацепки были обрывками, которые никак не желали складываться в общую картину.

Из бессвязных выкриков Юй Сяовэнь в эфире можно было лишь догадаться о какой-то школьной травле и сопливой истории в духе «ты любишь меня, а я не люблю тебя», но что конкретно произошло между ними – оставалось тайной.

Среди всех игроков больше всего информации, вероятно, было у Се Чу. Он наладил отношения с NPC, а со своей смазливой внешностью и полным отсутствием социофобии он просто врвался в толпу и собирал слухи. Настоящий талант для подобных игр.

Но Се Чу...

Ли Минмин с некоторым сомнением посмотрел на узкую спину Се Чу.

Тот казался парнем, с которым легко договориться, но на деле Ли Минмин чувствовал: Се Чу никогда не стремился влиться в команду игроков.

Он действительно играл в свою собственную игру.

Не боится призраков, не боится смерти... но боится голода.

Сам по себе, один в поле воин; иногда пересекается с Хэ Цзяоцзяо, но это лишь обмен информацией. В плане действий он и не думал полагаться на товарищей.

Тем более что в правилах этого сценария не было сказано, что игроки обязаны помогать друг другу. У каждого своя принудительная ставка и свой путь. Подтекст был ясен: выживать приходится самостоятельно. Строго говоря, они были не товарищами, а попутчиками в одном испытании.

Се Чу не был обязан делиться зацепками, а у них не было права требовать этого от него.

— Се Чу, ты что творишь? — Брови Гу Цзыбэя сошлись на переносице. Его нельзя было винить в излишней тревожности: Се Чу не только не отошел назад, но и с совершенно невозмутимым видом начал возиться с рукой трупа.

В глазах окружающих он выглядел чересчур беспечным, будто и не замечал, что перед ним – свежайший труп.

Зрелище было настолько абсурдным, что Гу Цзыбэй даже начал сомневаться: действительно ли Се Чу студент третьего курса?

Может, он патологоанатом или гробовщик?!

Се Чу разжал пальцы Юй Сяовэнь и достал из ладони браслет. Металлические застёжки на нем сильно заржавели, а несколько бусин из сандалового дерева были нанизаны на оборванную нить. Видимо, Юй Сяовэнь сорвала его с чьей-то руки во время борьбы.

— Женский браслет... — Се Чу приложил его к своему запястью, прикидывая размер; хват был совсем небольшим.

Браслет Сю Цинь.

Он поднялся и внимательно осмотрел позу тела Юй Сяовэнь, прежде чем ответить Гу Цзыбэю:

— Разумеется, ищу зацепки. Анна скоро придет, и школа приберет тело – мы больше и волоска не коснемся. Мы упустили труп Се Ли, с Юй Сяовэнь такой ошибки допускать нельзя.

Гу Цзыбэй молча закрыл рот. Подавляя тошноту, он тоже принялся осматривать труп.

Тело сидело тихо и прямо. Простая школьная форма, прямая спина, одревеневшие конечности – никакого намека на ту сутулость, что была при их первой встрече.

Се Чу окинул Юй Сяовэнь взглядом с головы до ног, выгреб всё содержимое из карманов ее формы и, не глядя, запихнул к себе. В последнюю очередь он снял с ее груди именной жетон:

— Юй Сяовэнь, второй год обучения, класс 2, общежитие 207.

Ли Минмин вставил:

— Второй класс... это же прямо по соседству с нашим кабинетом? Можно пойти поспрашивать...

Не успел он договорить, как в дверь радиорубки постучали. Анна, цокая каблучками, вошла внутрь. Брезгливо обойдя лужу крови на полу, она снисходительно улыбнулась игрокам:

— Снова вы? Почему вы всегда оказываетесь на месте раньше учителей?

Ее интонация была странной, она говорила так, будто оперная певица нарочито тянет ноты.

Эта женщина постоянно твердила об «учителях» и «учениках», но при этом совершенно спокойно относилась к смертям подопечных. Она была похожа на стороннего наблюдателя, натянувшего маску педагога и просто выполняющего рутинную работу по уборке последствий.

Услышав ее слова, Гу Цзыбэй машинально поправил очки:

— Мы просто оказались неподалеку.

— Вот как? — Алые губы Анны изогнулись в улыбке. Она взмахнула рукой, и в комнату вошли несколько учителей, начав выпроваживать игроков. — Идите, бедные дети, вы, должно быть, до смерти напуганы. Предоставьте всё учителям.

— Да не толкайтесь вы... — проворчал Ли Минмин. Руки этих учителей были холодными как

железо, прикасаться к ним было крайне неприятно.

Когда всех выставили за дверь, Анна подошла к Се Чу. Ее узкие глаза скользнули по нему вверх-вниз, затем она положила костлявую руку ему на плечо. С притворным беспокойством она спросила:

— Студент, почему ты такой бледный? Тебя так напугало увиденное?

Се Чу совершенно естественно спрятал браслет в карман, высвободился из хватки Анны и зашагал прочь:

— Нет, просто проголодался.

— ... — Анне впервые стало не по себе от подобной нелепости.

Она посмотрела на труп, затем на Се Чу, который уходил, потирая живот с несчастным видом и ворча, что стоило зайти в столовую еще утром. Она на мгновение потеряла дар речи.

... Перед Се Чу ведь действительно лежал труп, а не реквизит с бутафорской кровью, так?

Вся компания вернулась в класс как раз к звонку. Стоило им впопыхах занять места, как следом вошел учитель.

Но уроком это можно было назвать лишь формально: учителя здесь просто заставляли их заниматься самостоятельно, не утруждая себя объяснениями.

Хэ Цзяоцзяо отхлебнула купленной воды и устало привалилась к парте, тихо жалуюсь:

— Я знаю, что мир – это один большой балаган, но разве такие уроки – не перебор в плане халтуры?

Ли Минмин подхватил:

— А я-то всё утро трясся, думал, среди бела дня «хорошего знакомого» встретим...

Гу Цзыбэй не понял:

— О ком ты?

Ли Минмин невозмутимо ответил:

— О призраке.

— ...

Се Чу тоже вяло лежал на парте, бессильно прикрыв глаза. — Уроки здесь не для знаний, — пробормотал он. — Они нужны, чтобы студенты сидели на своих местах и не бродили где попало. Вы что, ужастиков про правила не читали?

Хэ Цзяоцзяо и остальные почувствовали себя слегка пристыженными.

Она ткнула его пальцем:

— Брат Чу, ты опять голодный?

Се Чу опустил голову, с силой прижав ладонь к животу:

— Угу.

— Скоро перемена, пойдем в столовую, — попыталась утешить его Хэ Цзяоцзяо, видя, как Се Чу достал из кармана последний батончик «Сникерса» и целиком запихнул в рот.

Жевал он яростно, будто пытаюсь таким образом обмануть желудок.

Хэ Цзяоцзяо только вздохнула.

Она не понимала, как можно так быстро проголодаться. Сначала она думала, что у Се Чу просто зверский аппетит, но если посчитать... за это утро он съел купленный за баллы сэндвич, несколько батончиков от нее самой, хлеб с молоком от Гу Цзыбэя и Ли Минмина, а Цзян Юань позже дала ему два мясных пирожка размером с кулак.

После такого количества еды любой нормальный человек был бы сыт по горло...

А урок еще не закончился, и он снова хочет есть.

Хэ Цзяоцзяо покачала головой: «Да он просто прорва какая-то...»

Прозвенел звонок. Утренние занятия закончились, впереди был обед и полтора часа отдыха.

Ученики в классе словно ожили по нажатию кнопки «включить звук». Смеясь и переговариваясь, они повскакивали со своих мест и потянулись к выходу; несколько девочек даже дружелюбно поздоровались с игроками.

Обстановка мигом стала живой.

— Сплошные боты, — Гу Цзыбэй встал и размял поясницу. Он был самым старшим в группе, и от долгого сидения спина начала ныть.

— Звенит звонок на урок — и они сорок пять минут сидят неподвижно как роботы. Звенит на перемену — бегут быстрее нас.

— Они студенты, прилежно учиться — это их правило. Мы делаем то же самое, так меньше шансов совершить ошибку, — Се Чу доел остатки батончика, но всё еще чувствовал пустоту в желудке.

Таких перекусов ему было явно недостаточно.

Сказать по правде, с самого входа в эту игру он ни разу не наедался досыта. Приходилось строго распределять еду на экстренные случаи, а не съедать всё разом.

Се Чу и сам находил это странным. Даже с потерей памяти он понимал, что его организм отличается от других.

Он не понимал, почему голод накатывает так часто, и почему обычная еда, кажется, совсем не приносит чувства насыщения.

... Может, он ест не то?

Может, ему нужно что-то совсем другое?

Се Чу замер в раздумьях, скосив взгляд на пустое место рядом.

Чжай Янь, должно быть, всё еще отдыхает в медпункте. Раны у него были серьезные, вряд ли он вернется в ближайшее время.

— Эм... — кто-то подошел к Се Чу и тихо его окликнул.

Се Чу поднял голову: перед ним стоял Хань Чэн.

Парень был весь в поту, он нервно ковырял пальцы, а его губы мелко дрожали.

— Эм... Се Чу, то есть, брат Чу, ты не мог бы выйти со мной на минуту?

Он явно нервничал. Се Чу смерил его тяжелым взглядом, испытывая лишь скуку от столь топорной попытки увести его. Затем он внезапно расплылся в улыбке:

— Не-а.

Хань Чэн, видимо, не ожидал отказа и на мгновение опешил:

— Чт...

— Я сказал: нет, — Се Чу встал, достал выданную Анной карточку для столовой и помахал ею с самым радостным видом. — Потому что я голоден. Время пришло – пора обедать.

Лицо Хань Чэна исказилось, он выдавил подобие улыбки:

— Я... я тебе куплю еды, только пойдем со мной...

Ли Минмин закатил глаза и, не дав Хань Чэну закончить, оттолкнул его как таран:

— Пойдем-пойдем! Сказали же – человек есть хочет. Ты что, слов не понимаешь?

Хань Чэн стиснул зубы. Проигнорировав Ли Минмина, он упрямо уставился на Се Чу, который уже утратил интерес к разговору:

— Я... я узнал кое-какие зацепки. Могу рассказать, но они в другом месте, тебе нужно пойти и посмотреть...

— На что смотреть? — с улыбкой спросил Се Чу. — На Ли Цюаньгэ?

Хань Чэн замолчал.

Он не смел даже взглянуть на пустовавшее всё утро место Ли Цюаньгэ; оставалось только молчать.

Хэ Цзяоцзяо вскинула брови:

— Кстати, да. Ли Цюаньгэ ведь пошел с тобой? Все четыре урока его не было. Где он? Ты оставил его одного проводить расследование?

Хань Чэн хранил угрюмое молчание.

Се Чу мазнул по нему взглядом: всё было понятно без слов.

В радиорубке ни Хань Чэна, ни Ли Цюаньгэ не было – скорее всего, во время их вылазки что-то случилось.

Вероятно, произошла беда: Ли Цюаньгэ либо мертв, либо где-то заперт.

И это происшествие как-то связано с самим Се Чу.

С большой долей вероятности кто-то – человек или призрак – хотел видеть именно его и заставил Хань Чэна привести его. Какая-то нелепая сделка.

Скука.

Разгадав нехитрую схему, Се Чу счел это неинтересным, пожал плечами и первым вышел из класса.

Хэ Цзяоцзяо и остальные, разумеется, не хотели оставаться в кабинете и поспешили следом.

Когда все ушли, Хань Чэн остался стоять с таким лицом, будто в него ударила молния. Уголок его рта дернулся, а на руке плотным кольцом сжался Черный туман.

С ним туман вел себя совсем не так ласково, как с Се Чу. Сейчас он превратился в подобие морского ежа: шипы глубоко впивались в руку Хань Чэна, жадно высасывая кровь. Именно поэтому парень становился всё бледнее.

Туман протянулся по полу класса, просачиваясь сквозь препятствия, и заставил Хань Чэна посмотреть в окно. Там, за деревьями в цветнике, скрывался некий «некто».

Хань Чэну показалось – а может, и нет, – что, напившись его крови, фигура стала выглядеть более четко.

Раньше туманный человек был бесформенным, с какими-то хаотичными выступами то здесь, то там, а теперь по росту и телосложению он стал почти копией самого Хань Чэна.

Тот от ужаса не мог вымолвить ни слова; ему пришлось сильно прикусить язык, чтобы прийти в себя. Дрожащим голосом он начал оправдываться:

— Дай мне еще один шанс... я приведу его к тебе, клянусь, поверь мне...

«Некто» не шелохнулся, лишь молча втянул отростки, обвивавшие руку Хань Чэна.

Видимо, это означало согласие.

Хань Чэн с облегчением выдохнул.

Жизнь в старшей школе горы Ушань мало чем отличалась от обычной: студенты пополняли карты, стояли в очередях у окон раздачи и ели то, что давали.

— Студент, ты плакат над головой видишь? — Повар за прилавком бесцеремонно постучал половником по подносу, тон у него был не из приятных.

Се Чу непонимающе задрал голову и увидел надпись крупными буквами:

«Береги еду, не будь расточителем! Стань достойным учеником!»

Стоявшие за спиной Се Чу игроки едва сдерживали смех, буквально содрагаясь всем телом.

Прочитав надпись, Се Чу с серьезным видом ответил:

— Дядя, я грамотный. И я полностью разделяю идеалы нашей школы. Считаю, это очень правильно.

Повар аж покраснел от злости:

— Тогда что ты мне тут несешь?!

Видя, что человек искренне не понимает, Се Чу проявил милосердие: он медленно провел пальцем вдоль всех лотков с едой – от самого левого до самого правого – и с кротким, но непоколебимым упорством повторил то, что сказал вначале:

— ...Мне всего. По одной порции каждого блюда.

Повар, схватившись за сердце, взревел:

— Ты что, возомнил себя властным президентом из романов, который скупает всё подряд?! Это школьная столовая! Всё ему?! Да ты хоть лопнешь, но не съешь столько!

Се Чу сглотнул слюну; от голода у него в глазах уже начинало зеленеть:

— Съем. Правда съем.

Пока повар продолжал ругаться, в окно просунулась чистая рука с карточкой, мгновенно погасив пламя его гнева.

— Дядя Ли, дайте ему, что он просит. По одной порции всего меню. То, что он не доест, съем я. Обещаю, ничего не пропадет.

Повар опешил, заглянул в окно и встретился взглядом с парнем:

— О, Сяо Чжай? Ты знаком с этим обжорой?

Хэ Цзяоцзяо и остальные смеялись уже в открытую, хоть и беззвучно.

— ...Обжорой? — Се Чу в недоумении ткнул в себя пальцем. — Это он про меня?

Появившимся парнем был Чжай Янь. Он со слабой улыбкой посмотрел на Се Чу:

— У дяди Ли характер тяжелый, но человек он хороший.

Из уважения к Чжай Яню повар действительно сотворил невозможное и выдал Се Чу его «комбо-набор».

Он вытащил из шкафа огромную фарфоровую миску, в которых обычно подавали суп на весь стол, и наполнил ее всевозможными яствами. Рядом поставили поднос Чжай Яня – с самой обычной, нормальной порцией.

Чжай Янь расплатился за Се Чу, и они первыми пошли занимать места, провожаемые изумленными взглядами половины столовой.

Едва сев, Се Чу без лишних слов принялся за еду.

Ел он вполне прилично, но с такой скоростью, что казалось, он глотает не жуя.

Чжай Янь некоторое время наблюдал за ним, а потом не выдержал и тихонько напомнил:

— Не ешь так быстро, желудку будет плохо.

Се Чу мотнул головой, ничего не ответив. Только когда миска изрядно опустела, он замедлил темп, отхлебнул воды и посмотрел на сидящего рядом Чжай Яня:

— Что у вас раньше произошло с Сю Цинь?

Чжай Янь горько усмехнулся:

— Как жестоко. Это первое, что ты спрашиваешь? А я всё утро прождал тебя в медпункте.

Се Чу удивился:

— Я же сказал тебе не ждать.

Чжай Янь поджал губы и отправил в рот кусочек картофеля:

— Но я хотел тебя увидеть.

Он смягчил голос, выставляя напоказ свою обиду; его длинные ресницы опустились. Его и без того красивое лицо сейчас выглядело настолько трогательно, что любой на месте Се Чу почувствовал бы прилив нежности.

Се Чу помолчал секунды две. И когда Чжай Янь уже решил, что добился своего, Се Чу одной фразой разрушил всю атмосферу:

— ...Так что у вас случилось с Сю Цинь?

Чжай Янь вздохнул, оставив попытки обольщения, и серьезно посмотрел на Се Чу. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но тут подошли Хэ Цзяоцзяо и остальные со своими подносами:

— Брат Чу! Мы принесли тебе йогурт!

Се Чу обернулся к ним, а Чжай Янь, воспользовавшись моментом, встал, наклонился к уху Се Чу и прошептал:

— Приходи сегодня вечером в мое общежитие. Я всё тебе расскажу.

Се Чу опомнился, но Чжай Янь уже выпрямился. Се Чу невольно потер ухо, которое словно занемело от этого вкрадчивого голоса. Не успел он ничего ответить, как Чжай Янь, кивнув остальным игрокам, уже отошел на несколько метров.

«Он же говорил, что вечно голодает... А сам съел пару ложек как птичка и ушел?»

Се Чу, закусив ложку, пришел к выводу:

«Подростков в период созревания черт ногу сломит понять».

Ли Минмин с пакетиком молока в зубах посмотрел вслед Чжай Яню и невнятно пробормотал:

— Брат Чу, а чего он ушоу-то?

Се Чу отправил в рот огромную порцию риса и с невозмутимым видом, подражая дикции Ли Минмина, ответил:

— Наеуся и пошоу гуять.

— ... — Ли Минмин промолчал.

Игроки расселись. Теперь им было плевать, может ли еда быть опасной – все ели жадно.

Нормальному человеку порции из трех блюд, супа и риса хватало с лихвой. Все были голодны, а утренняя беготня и стресс вымотали их окончательно: хотя они и не ели так много, как Се Чу, но животы у всех подвело изрядно.

Вскоре ребята закончили. Подняв головы, они увидели, что и Се Чу уже почти всё съел...

— Э-э?!

Цзян Юань, заикаясь, посмотрела на свои часы:

— Брат Чу, у тебя... у тебя уже дно видно? Всего девять минут прошло... Ты вообще жевал?

Ли Минмин только головой покачал:

— Ну и ну, у него что, из горла прямая труба в желудок?

Тот повар, хоть и ворчал, на деле не пожалел еды: он навалил на дно огромную гору риса и до краев заполнил миску добавками. Порция выглядела пугающе большой.

Но сейчас миска Се Чу была пуста.

Хэ Цзяоцзяо поперхнулась и закашлялась:

— Кха-кха... Брат Чу, ты не просто прорва, ты какая-то эволюционировавшая форма черной дыры!

Се Чу поднял голову от миски; его щека была раздута от последнего куска еды. Он озадаченно посмотрел на четверых сидящих напротив:

— А? Да ладно вам, нормально же.

Гу Цзыбэй решил, что пора привыкать: в конце концов, в мире всегда есть люди «не как все», иначе зачем устраивать конкурсы по скоростному поеданию еды?

Да.

Наверняка дело в этом.

Се Чу вежливо «зачистил» тарелку до блеска.

Это в очередной раз изменило представление о нем, но когда взгляды присутствующих упали на его абсолютно плоский живот, ситуация стала казаться еще более фантастической.

Ли Минмин погладил свой выпирающий после обеда живот и с обидой произнес:

— Нет, серьезно, брат Чу, у тебя там что, портал в другое измерение? Какого черта ты съел целый чан еды, а живот плоский?! Это антинаучно!!

Цзян Юань тихо заметила:

— Мы тут в игру со смертью играем, а ты о науке вспомнил?

Ли Минмин замолчал.

Се Чу встал, собираясь отнести миску. Он тоже опустил взгляд и потрогал свой живот. Сейчас он чувствовал себя сытым чуть больше чем наполовину. А насчет того, почему живот плоский...

Он задумался на секунду и очаровательно улыбнулся:

— Наверное, талант.

<http://bllate.org/book/22490/2373492>